

УДК 81'42:81'367

ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Светлана Анатольевна Манаенко

доцент кафедры теории и методики преподавания

исторических и филологических дисциплин

Ставропольский государственный педагогический институт

355035, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 417а. manaenko@list.ru

Статья посвящена рассмотрению дискурсивной природы частиц и вводно-модальных слов, выступающих в качестве лексико-семантических конкретизаторов на уровне сложного предложения. Обосновывается особая роль частиц в сложноподчиненном предложении. Частицы перестраивают смысловую структуру предложения так, что семантическая вершина находится в придаточной части.

Ключевые слова: дискурсивные слова; лексико-семантический конкретизатор; частицы; вводно-модальные слова.

Относительная самостоятельность лексико-семантических конкретизаторов при совместном употреблении с союзными средствами в сложноподчиненных предложениях, проводимый различными исследователями анализ структуры высказываний в русском языке, языковые аспекты изучения текста, и в частности нарратива, позволяют обратиться к рассмотрению такого общего свойства для лексических единиц, используемых в роли лексико-семантических конкретизаторов, как их непосредственная связь с функционированием дискурса. Данные свойства, а точнее, функционально-семантическое сходство, двух пластов морфологически разнородных единиц – частиц и вводно-модальных слов – отмечается исследователями, начиная с книги В.В. Виноградова «Русский язык», в которой утверждается, что «модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [Виноградов 1972: 568]. Как следствие, в различных научных изданиях и учебной литературе можно встретить формулировки такого типа: «Частицы и модальные слова участвуют в выражении субъективных значений, вносимых говорящим в содержание предложения» [Современный русский язык 1989: 578].

Так как в классификациях встречаются понятия, соотносимые прежде всего с коммуникативным уровнем (сообщение, высказывание, эмоциональная окрашенность речи и т.п.), а также есть замечания исследователей о текстовой ориентированности данных классов лексических

единиц, т.е. подчеркивается их дискурсивная природа, целесообразно, с нашей точки зрения, в начало анализа специфики тех или иных классов и разрядов указанных единиц положить их отнесенность к тому или иному классу дискурсивной лексики, выделенному в монографии «Дискурсивные слова русского языка». В то же время синтаксическая традиция, идущая от трудов В.В. Виноградова, при квалификации частиц, выражающих смысловые и модально-экспрессивные оттенки «предложений и слов», а также модальных слов в центр интерпретации ставит говорящего, что вполне согласуется с актуализированным в настоящее время антропоцентрическим подходом в научных исследованиях и постулатами развивающейся когнитивной лингвистики. Для лексических единиц, проявляющих при своем функционировании данное свойство, также используют термин «дискурсивные слова», однако последний не получил еще широкого распространения в русистике, хотя и стал базовым в принципиально новом представлении семантики определенных групп и отдельных лексических единиц, осуществленном в рамках контекстно-семантического описания коллективом авторов монографии «Дискурсивные слова русского языка» [Дискурсивные слова 1998]. Поскольку сами авторы данной работы отмечают, что у многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивными, недискурсивные употребления, термины «дискурсивные слова» и «дискурсивное употребление слов» используются нами как синонимы. Тем более, синонимичное употребление этих терминов объясняет появление термина

«вводно-модальные слова», который объединяет как собственно модальные слова, так и другие лексические единицы, в своем дискурсивном употреблении совпадающие с ними по функционально-семантическим критериям.

Частицы и вводно-модальные слова как дискурсивные характеризуются прежде всего тем, что не имеют денотата в общепринятом смысле, т.к. их значения непредметны и их можно изучать только через их употребление. Как частицы, так и вводно-модальные слова, устанавливая отношение между двумя и более составляющими дискурса, «обеспечивают связность текста,.. отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и проч.» [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 7]. В целом, как отмечается в указанной монографии, ядро дискурсивной лексики как раз и составляют данные разряды лексических единиц. Существенно то, что «дискурсивные слова не образуют «естественный» класс единиц. Этот класс, во-первых, не имеет четких границ и, во-вторых, объединяет единицы, которые традиционные классификации относят к различным частям речи (частицам, наречиям и др.). Попытки задать подобные слова списком оказываются весьма спорными, а принадлежность слова к классу дискурсивных слов определяется главным образом на основании функциональных критериев» [Дискурсивные слова 1998: 9]. При этом специфика плана содержания лексических единиц в дискурсивном употреблении интерпретируется либо как отсутствие у этих единиц лексического значения, либо как десемантизация слова в данном употреблении, в случаях же многозначности дискурсивных элементов определение каждого значения является в определенной степени субъективным, поскольку зависит от конкретной семантической теории.

Авторы монографии «Дискурсивные слова русского языка» указывают, что проведение границы между значением дискурсивных слов и значением контекста оказывается значительно более сложной процедурой, чем в случаях конкретной лексики: «Многие дискурсивные слова, особенно частицы, могут полностью «сливаться» с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов. «Амальгамированию» семантики дискурсивных слов и семантики контекста способствует также их формальное строение: значительная часть этих единиц представляет собой одно-двухсложные выражения, прозрачные для интонации» [Там же: 9-10]. В частности, дискурсивно употребляются так называемые клитиче-

ские частицы (*ведь, же, ли* и т.п.), фонетически не самостоятельные и не меняющие своей синтаксической функции, в отличие от большинства других дискурсивных слов. Так как частицы, как и другие лексические единицы в дискурсивном употреблении, относятся не к отдельному слову, а к некоторой части высказывания, определение специфики дискурсивных слов требует рассмотрения значительно более протяженных контекстов, чем в случаях других единиц или недискурсивного употребления данных. Помимо этого, в таких последовательностях надо учитывать некоторые специфические параметры, связанные с отношениями между «действующими лицами» дискурса. Следовательно, можно утверждать, что дискурсивное употребление лексических единиц во многом определяется коммуникативными потребностями говорящего, который в зависимости от своих интенций может актуализировать тот или иной компонент плана содержания дискурсивных слов, варьируя его. Однако подобное варьирование может зависеть от контекста, особенности которого могут усиливать или ослаблять тот или иной компонент семантики дискурсивных слов. Исследования, проведенные и обобщенные авторами монографии «Дискурсивные слова русского языка», показывают, что план содержания дискурсивного употребления слова предопределяет условия его взаимодействия с контекстом, так как имеет внутренние потенции к варьированию, что позволяет выделить три типа семантического и синтаксического варьирования:

«Первый тип – **внутреннее варьирование** слова – связан с тем, что различные компоненты плана содержания слова могут быть более или менее значимы. Такое варьирование моделируется с помощью понятия **грани**. Каждая грань соответствует преобладанию одного из компонентов плана содержания или равенству компонентов по значимости.

Второй тип – **внешнее варьирование** слова – касается того, каким образом некоторые элементы контекста или ситуации (параметры высказывания) взаимодействуют с введенным в контекст словом и влияют (в большей или меньшей степени) на понимание слова в конкретном высказывании. Этот тип варьирования моделируется с помощью понятия **деформации**.

Третий тип варьирования связан с понятием **сферы действия** дискурсивного слова, которая определяется в первую очередь общими закономерностями интонационного оформления, порядка слов и актуального членения» [Там же: 12]. Следует заметить, что варьирование внутреннее и связанное со сферой действия дискурсивного слова формализуются независимо от се-

мантики конкретного дискурсивного употребления слова. Что же касается деформаций, то они ограничиваются возможностями внутреннего варьирования дискурсивного слова, грани которого основываются на соотношениях дискурсивно употребленной лексической единицы и контекста: (1) преобладание влияния слова на контекст, (2) преобладание влияния контекста на слово; (3) «равновесное» взаимовлияние слова и контекста. Таким образом, дискурсивно употребленное слово выступает в виде двухместного предиката, устанавливающего отношения между некоторыми двумя единицами содержания высказывания. Поскольку построение семантической структуры высказывания можно рассматривать как введение некоторой концептуальной рамки и заполнение множества семантических позиций внутри нее при выборе для каждой из них одной из потенциально возможных альтернатив, дискурсивные средства «осуществляют своеобразный *комментарий* этого «выбора», позволяющий интегрировать вводимые элементы в когнитивное окружение, или же *комментирует само речевое действие*, соотнося его с интерактивной ситуацией» [Там же: 383].

В соответствии с общими особенностями функционирования выделяются 4 класса дискурсивных слов: 1) дискурсивные слова, сопоставляющие элемент и множество (класс элементов); 2) дискурсивные слова, вводящие в рассмотрение несколько реализаций одного положения вещей; 3) дискурсивные слова, связанные с понятием установочной базы и 4) дискурсивные слова, связанные с понятием гаранта. При этом свойства сущностей и отношения между ними являются индивидуальной чертой плана содержания дискурсивных слов, что и отличает их друг от друга. Например, «своеобразие дискурсивного слова *всего* связано с тем, что вводимый **X** является *исчерпывающей* количественной характеристикой некоторой совокупности» [Там же: 26]. То же самое можно сказать и об отношениях между сущностями: «Две сущности могут быть *независимы* друг от друга, *внеположны* друг другу или *связаны* между собой (непосредственно или опосредованно). К распространенным отношениям между сущностями относится *сопоставление / противопоставление*. Например, *-таки* сопоставляет **P** с актуализированной альтернативой **P'**, а *лишь* противопоставляет элемент классу» [Там же: 27]. Понятие же *гаранта* соотносится с тем участником дискурса, который берет на себя ответственность за выделение **P** как высказывания о некотором положении вещей, т.е. гарант априори рассматривается как субъект – говорящий. В качестве *установочной базы* может выступать такой фрагмент (вы-

сказывания или целое высказывание) **P**, который вводится в связи с некоторым заданным ранее положением вещей **q**, по отношению к которому **P** является внешним и в определенной степени детерминирует интерпретацию **q**, т.е. установочная база **P** для положения вещей **q** не содержится изначально в ситуации, а привносится извне, выражая отношения несовместимости, преодоления, контраста, конкуренции и т.п. Следовательно, есть две линии развертывания дискурса:

«В высказываниях с гарантом говорящий берет на себя ответственность за выделение **P** как высказывания в том смысле, что это высказывание «говорит» о некотором положении вещей в мире; развитие дискурса связано именно с тем, что говорящий выделяет некоторое (новое) **P**.

В высказываниях с установочной базой поступательное развитие дискурса состоит в том, что новое **P**, вводимое как УБ, оказывается «вписано» в уже заданное положение вещей **q**; иными словами, дискурсивное / нарративное развитие состоит во введении таких новых элементов, которые являются установочными базами для заданных ранее положений вещей. Таким образом, предшествующее положение вещей **q** переосмысливается за счет введения в рассмотрение **P**; это обогащение приводит к более или менее радикальному изменению исходного представления о **q**» [Там же: 31].

Итак, в данной концепции первые два класса дискурсивного употребления слов противопоставлены двум другим как дискурсивные слова, характеризующие семантические отношения между двумя фрагментами дискурса, указывающим на способ построения дискурса. Дискурсивные слова, входящие в первую группу, сопоставляют элемент и множество: некоторый выделенный элемент осмысливается через его соотношение с множеством (классом) элементов, частью которого он является. При этом возникают два основных соотношения: ограничение, обусловленное противопоставлением в пользу выделяемого элемента, и предельность, когда в связи с положением вещей **P** элемент **X** (на основе противопоставления **P / не P**) определяется как предельный элемент множества, для которого выполняется **P**. Для второго класса дискурсивных слов характерно установление отношений между двумя реализациями некоторого положения вещей: это может быть либо повтор реализации, либо качественное противопоставление реализаций. Третий класс дискурсивных слов указывает на самые различные соотношения между установочной базой **P** и положения вещей **q**, исходно независимого от **P**. Дискурсивные слова четвертого класса, характеризующие некоторое положение вещей в отношении наличия / отсутствия

у него гаранта, отличаются друг от друга как типом гаранта, так и тем, каким образом опосредованное гарантом **Р** соотносится с **не Р**.

Все лексические единицы, используемые в качестве лексико-семантических конкретизаторов при подчинительной связи, соответствуют тому или иному способу дискурсивного употребления: либо комментируют выбор возможных альтернатив (первые два класса), либо комментируют речевое действие и ситуацию общения (третий и четвертый классы). При этом варьирование содержания дискурсивного употребления слов обусловлено наличием инвариантного компонента смысла у каждого дискурсивного слова и своеобразным достраиванием смысла и его конкретизации за счет заполнения содержания контекстными дискурсивными смыслами, определенного условия функционирования дискурсивных слов. В результате тот или иной класс дискурсивных слов образуют лексические единицы, традиционно определяемые не только в качестве различных подразрядов одной части речи, но и как разные части речи.

В отличие от авторов предлагаемой типологии дискурсивных слов, выделивших по два класса на разных основаниях (семантическом и дискурсивной стратегии), мы склонны считать, что данные классы – это способы применения говорящим лексических единиц дискурсивной природы. Именно поэтому первый критерий таксономии дискурсивных слов и их образований – **что** актуализирует и развивает (комментирует) говорящий при построении дискурса: а) уже заданную предшествующим контекстом область содержания или б) новую область содержания. Соответственно, первые два класса представляют использование дискурсивного слова для актуализации ранее заданной области содержания, третий и четвертый – для актуализации новой области. Вторым критерий в таком случае – **как** происходит актуализация, т.е. способ организации содержания в заданной ранее области или в новой области в ее соотношениях с уже заданной: а' – на основе соотношения элемент-множество; а'' – на основе соотношения разных реализаций одного положения вещей; б' – на основе соотношения новой области как установочной базы с заданной областью; б'' – на основе соотношения новой области с гарантом. Внутри каждого подкласса проявляется типовой набор значений, совокупность которых охватывает весь спектр значений, зафиксированных для модальных частиц и вводно-модальных слов.

Представленные в функциональных классификациях модальных частиц (по РГ-80) и вводно-модальных единиц (по В.В.Бабайцевой и Л.Ю. Максимуму) разряды, подразряды и группы

достаточно непротиворечиво распределяются по четырем классам употребления дискурсивных слов. Так, одни модальные частицы из первой подгруппы первой группы (не осложненные другими значениями) – *только, лишь* и др. – естественно входят в I класс, а другие – *таки, ведь, именно* и др. – в III класс. Все частицы из второй подгруппы первой группы – *будто, вроде, едва ли не, неужели, разве* и т.п. – составляют IV класс дискурсивных слов; к этому же классу принадлежат частицы из третьей группы модальных частиц, выражающие «отношение сообщения к его источнику» – *мол, дескать, де*; все остальные частицы третьей группы без исключения входят в III класс дискурсивных слов. Свободно распределяются по классам использования дискурсивных слов и вводно-модальные единицы: *наоборот* входит во II класс; группы 1, 2, 3, 4, 5, 6 вводно-модальных единиц подходят под параметры IV класса, а 7-й группы – III класса.

Данный подход к распределению дискурсивной лексики в зависимости от целей и способов ее применения не только соответствует и не противоречит разработанным ранее классификациям частиц и вводно-модальных слов, но и представляет интегрально их функционирование в различных текстах при развертывании того или иного типа дискурса, в частности публицистического, раскрывает полифункциональность модальных частиц и вводно-модальных слов, используемых говорящим в тексте, позволяет четко разграничить особенности применения дискурсивных слов данных типов, в частности, семантическими и синтаксическими факторами.

Так, к IV классу относится дискурсивное употребление лексических единиц *наверное, разве, неужели, авось, небось, пожалуй, что ли, конечно, разумеется* и др. Дискурсивно употребленные лексические единицы выражают смыслы абстрактного характера и при этом, будучи «погруженными» в дискурсивную среду, достраивают более конкретные семантические блоки. Варьирование, которое претерпевают дискурсивные слова, несмотря на их индивидуальное содержание и конкретное контекстное наполнение, осуществляется в достаточно определенных параметрах. Семантический параметр варьирования задается логическим типом соотношения, комментируемого с помощью дискурсивных слов: соотношение двух единиц / соотношение двух ипостасей одной единицы. «Семантика этого отношения может быть весьма разнообразной, она определяется конкретным словом. Однако имеется два вида абстрактных соотношений между связываемыми элементами, которые не зависят от конкретной семантики связи. В первом случае дискурсивное слово связывает две разных

единицы А и В. Во втором случае связываются два разных вхождения одной и той же единицы, две ее разных ипостаси А-1 и А-2» [Там же: 384].

Полифункциональность и относительная самостоятельность лексико-семантических конкретизаторов (ЛСК) во многом объясняются особенностями их сферы действия (СД) в синтаксических конструкциях. Влияя на пропозициональную и модальную структуры сложноподчиненного предложения, ЛСК тесно взаимодействуют не только с союзными средствами синтаксической связи, но и с их коррелятами в главной части, а также всем содержанием сложноподчиненного предложения. При этом следует учитывать, что значения лексем, морфем, синтаксических конструкций и других значимых единиц языка объединяются в единое целое на основе довольно сложных правил, и поэтому значение предложения (тем более сложного) нельзя рассматривать как простую сумму входящих в него элементов. Соединение значений элементов предложения может быть столь неочевидным, что часто нелегко определить, каким именно элементом предложения привнесено в него то или иное значение.

Существуют особые языковые механизмы, которые соединяют значения отдельных единиц в более крупный семантический комплекс на основе синтаксической структуры предложения. Эти механизмы относятся к компетенции *синтаксической семантики*, т.е. задача синтаксической семантики состоит в описании того вклада, который вносит в семантику его синтаксис. Основным способом объединения значений слов в более крупные смысловые фрагменты является заполнение валентностей. Здесь необходимо сделать одно важное терминологическое уточнение: валентность, которая заполняется выражением, синтаксически подчиненным валентному слову, называют активной; если же выражение, заполняющее валентность данного слова, не подчиняется ему, а само его подчиняет, то такую валентность принято называть пассивной.

В отношении слов, выполняющих в сложноподчиненном предложении функцию лексико-семантического конкретизатора, можно утверждать, что они обладают именно пассивной валентностью. Слова с пассивными валентностями обычно оставались вне зоны, традиционно считающейся областью интересов теории валентностей. Тот лингвистический инструментарий, который создавался с ориентацией на «классические» – активные – валентности, оказался совершенно недостаточным для описания свойств пассивных валентностей. Для охвата новых явлений было разработано понятие «сферы (или области) действия» валентного слова, являющее-

ся прямым обобщением понятия актанта, прочно вошедшее в обиход русистики. Это понятие, существенно разработанное и задействованное в монографии И.М.Богуславского «Сфера действия лексических единиц» [Богуславский 1996], восходит к соответствующему логическому понятию. В выражениях логических языков у каждого квантора, оператора или связки есть своя сфера действия, т.е. тот фрагмент формулы, на который распространяется воздействие данного квантора, оператора или связки. В логических языках сфера действия любого элемента автоматически задается синтаксическим строением формулы и расстановкой скобок. В естественном языке, к сожалению, проблема установления сферы действия (т.е. в первом приближении – того фрагмента предложения, на который «воздействует» данное слово), решается далеко не столь простым образом, и прежде всего потому, что таким фрагментом может оказаться семантика всей синтаксической конструкции, в том числе и сложного предложения.

Таким образом, связанное с дискурсивными словами понятие сферы действия позволяет описывать различия в концептуальной и вербальной направленности дискурсивных действий и комментариев. Необходимо различать сферы действия синтаксического и семантического уровней, так как между выражением, заполняющим данную валентность на синтаксическом уровне, и выражением, заполняющим ее на семантическом уровне, не может быть полного изоморфизма. Из чего следует, что значение, которое заполняет валентность лексемы, может быть выражено не только посредством отдельных слов (например, союза, при котором находится лексико-семантический конкретизатор), но и посредством любой значимой единицы языка, включая единицы синтаксической, коммуникативной и референциальной природы. При этом оказывается возможным «дистанционное» взаимодействие валентных слов с остальным семантическим материалом предложения (нетривиальная сфера действия). Это такие ситуации, когда синтаксическая структура предложения не обеспечивает или обеспечивает не полностью нахождение материала для заполнения валентности.

Чтобы установить особенности функционирования лексико-семантических конкретизаторов в сложном предложении, следует изучить особенности сферы действия лексических единиц, выступающих в этой роли. Например, различие между словами *еще* и *уже*, которое наблюдается при их использовании в качестве лексико-семантических конкретизаторов синтаксической связи любого типа и уровня, в словарях обычно не отмечается. Разнообразие семантических от-

ношений между словом *уже* и словами *еще* и *только*, которое варьируется от синонимии до антонимии, в значительной степени обуславливается игрой СД этих слов. Это же можно утверждать и в отношении частиц *только* и *даже*, которые, как и их соответствия в других языках, относятся к числу слов, весьма популярных в синтаксических, семантических и логико-грамматических исследованиях. Они входят в состав так называемых «фокальных» частиц (focus particles), представляющих значительные трудности для современных синтаксических и семантических теорий. Объединяет эти слова то, что они семантически связаны с интонационно выделенным элементом предложения (фокусом). Семантический вклад фокальных частиц в значение предложения в очень значительной степени зависит от контекста, интонации и порядка слов. При этом выделить собственный вклад частицы часто непросто, и возникает опасность принять свойства контекста за элемент значения самой частицы.

Все указанные свойства двух частиц подробно рассмотрены в работе И.М.Богуславского «Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов» [Богуславский 1985: 100-127]. Им же выведено правило установления СД, согласно которому синтаксическую СД составляет та именная группа, перед которой стоит частица *даже* и с которой она связана синтаксически; если же в положительно поляризованных и оценочно нейтральных контекстах частица *даже* находится в придаточной части сложноподчиненного предложения, то главное предложение в состав синтаксической СД не включается. Однако в некоторых условиях придаточное изъяснительное не может быть интерпретировано «внутри себя» и требует выхода в главное предложение. Одно из таких условий – отрицательная поляризация контекста: *Но катастрофа с АПЛ «Курск» показала, что чудес не бывает нигде, даже на самом дальнем Севере, даже за самыми непроницаемыми барьерами.*

На этой основе можно сделать следующие выводы: 1) для интерпретации частицы *даже* в роли лексико-семантического конкретизатора

подчинительной связи представляют интерес отрицательная / положительная поляризация; 2) в отрицательно поляризованных контекстах (а также в некоторых других) частица *даже*, находясь в придаточном предложении, требует для своей интерпретации выхода в главное предложение. Такие предложения демонстрируют нетривиальную ситуацию, при которой лексико-семантическая вершина сложного предложения расположена внутри придаточной части.

Таким образом следует, что сфера действия дискурсивных слов в широком понимании разбивается на три зоны: 1) более или менее широкий левый контекст дискурсивного слова; 2) фрагмент высказывания, который непосредственно связан с дискурсивным словом и который вводится / комментируется дискурсивным словом, и 3) правый контекст, который при анализе дискурсивного употребления лексических единиц оказывается менее существенным. Необходимо отметить, что в монографии «Дискурсивные слова русского языка» под сферой действия ДС понимается только актуализированный ими фрагмент высказывания, который на синтаксическом уровне может представлять отдельную синтаксему, именную группу, глагольную группу, предложение в целом, т.е. здесь прежде всего под сферой действия понимается зона активного влияния ДС на определенную часть контекста.

Список литературы

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.

Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985.

Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд.2-е. М.: Высш.шк., 1972.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998.

Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1989.

PARAMETERS OF DISCURSIVE USAGE OF LEXICAL UNITS

Svetlana A. Manaenko

**Assistant Professor of Teaching Theory and Method of Historical and Philological Subjects Department
Stavropol State Pedagogical Institute**

The article considers discursive nature of particles and parenthetical and modal words, acting as lexico-semantic specifiers on the level of the complex sentence. A specific role of particles in the complex sentence is proved. Particles reconstruct the semantic sentence structure in such a way that the semantic top is situated in the subordinate part.

Key words: discourse markers; lexico-semantic specifier; particles; parenthetical and modal words.